

ИЗ ИСТОРИИ ДАРОВОГО

История селца Даровое уходит в глубь веков, о чем наглядно свидетельствуют остатки его древней материальной культуры. В сельской застройке его еще сохраняются жилища вятичей, подобные описанным в нашей начальной летописи – «Повести временных лет», а в обсадке усадебного парка стоят вековечные дубы возрастом не менее трех столетий. Поселение Даровое, очевидно, старше усадьбы Даровое. Его название (топоним) связано с давней историей этих мест. В. И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» приводит выражение *даровó* в значении *ладно*, причем специально указывает на то, что это местное, северо-рязанское наречие. Урочище Даровое – придача в дар при заключении мировой сделки, мирового соглашения (о землях), любовного размежевания. Исторические источники (картографические, топографические) свидетельствуют, что земли Дарового находились на порубежье – Рязанского (Зарайского) и Каширского уездов, — на рубеже, который сложился здесь еще в XV столетии, около 1457 года. Тогда этот рубеж отграничивал рязанские земли (Растовец, Венев и Тешиллов), взятые московским великим князем Василием Васильевичем в кортому (в «куплю» – откуп, род аренды), от земель собственно великого княжества Рязанского. (По всей видимости, эти кортомные земли суть выморок или конфискат кого-то из удельных князей Пронских). В московско-рязанском докончании 1483 года указан, в самом общем виде, рубеж кортомных волостей («...от верховья Песоченки через лес прямо к Осетру, к усть-Кудесне ...») и оговорено, что по факту этот рубеж по мес-

там изменен («а что перешло за тот рубеж на твою сторону... а что перешло на нашу сторону...») и изменения признаются сторонами взаимно и любовно.

В 1504 году в завещании московского великого князя Ивана III «город Кашира с Заречьем» были переданы им старшему сыну, великому князю Василию III. Тогда же писцами были зафиксированы ранее оговоренные и любовно признанные изменения «Резанского рубежа» — и это говорит нам о времени, когда появился топоним «Даровое».

Дело в том, что близ Дарового фактическим рубежом рязанских и московских (каширских) земель был крупный транзитный путь, известный в XVI – XVII веках под именем Ногайский шлях. Он вел из Москвы в Ногаи (ныне – Ногайская степь в Прикаспии) и далее в Персию, на Дербент, Тевриз и Багдад (поздний след этого пути можно видеть на картах и планах генерального размежевания: Ногайский шлях к этому времени превратился в Большую Астраханскую дорогу, по которой проходила граница рязанских и каширских земель). Московские владения в районе Дарового протянулись до Ногайского шляха, перейдя за старый рубеж и вклинившись в рязанскую территорию, с целью устройства здесь, на дальних подступах к Коломне (к которой и вел шлях), сторожевой службы – на случай предупреждения о внезапном татарском набеге. При новом размежевании этот московский клин в рязанской стороне за старым рубежом был признан любовной придачей при размежевании и соответственно назван на местном наречии «даровóй» землей. Так в этом

названии, в этом имени отразились и история этого края и его место в истории Московского государства, в истории России.

Центром помещичьей колонизации каширского «Заречья», в первую очередь Растовца (по краю которого пролегал путь Ногайским шляхом к Коломне) была Коломна, являвшаяся в ту пору (конец XV – начало XVI века) главным городом на южном порубежье Московского государства. Нет сомнений, что именно во время организации при Ногайском шляхе в районе Дарового сторожевой службы едва ли не первыми здесь были испомещены коломенские вотчинники Хотяинцевы, известные по документам с конца XV века, чьи родовые владения находились при той же дороге, но ближе к Коломне, на московской стороне Оки (Игнатьево, Молзино, Апракино и др.). Характерное для начального периода поместной колонизации «кустовое» землевладение Хотяинцевых в Даровом и окрестностях, зафиксированное писцовыми описаниями времени Ивана Грозного (1578 – 79 годов) и сохранившееся до середины XIX века, этому наглядное свидетельство.

Здесь было полное совпадение интересов: и для Московского государства и для города Коломны и персонально для Хотяинцевых Даровое – это был сторожевой форпост, жизненно важный для безопасности в то напряженное время. Стоит отметить, что во второй половине XVI века (более ранними данными мы не располагаем) Даровое было наиболее крупным населенным пунктом в этом районе и центром окрестных владений Хотяинцевых: здесь находилась их родовая усадьба («двор помещиков») с обслуживавшими ее дворовыми людьми, при усадьбе был насажен парк (в межевых книгах упоминается как «Даровская роща»), в селении находились крестьянские и бобыльские дворы, к Даровому

были приписаны («списаны сошным письмом») другие поместные земли по «Резанскому рубежу», в том числе деревня Черемошня. В межу с усадьбой Хотяинцевых в Даровом находилась земля села Нечаева, на которой, напротив усадьбы через поле, около 1580 года была поставлена церковь Покрова Богородицы – «поставленье Григория Хотяинцова», помещика из Дарового (ранее церковь находилась в самом селе Нечаеве, но при ее возобновлении после нашествия Девлет-Гирея ее ктитор – помещик из соседнего Дарового — поставил ее на новом месте, против своей усадьбы, чем символически утвердил перенесение центра хотяинцевских владений из начального центра, села Нечаева, в Даровое, и придал к церкви землю из своего поместья, так что церковная земля новой Покровской церкви стала граничить с его приусадебным парком – «Даровской рощей», как об этом свидетельствует запись в писцовой межевой книге Каширского уезда; Нечаево же уже в XVII веке окончательно запустело).

Местоположение при большой дороге сообщало как очевидные выгоды, так и столь же очевидные невыгоды: в немирное, смутное время Даровое с окрестностями не раз подвергалось разорению при татарских набегах (в последний раз при царе Василии Шуйском, призвавшем ногайцев разорить мятежную ему Каширу, стоявшую за Самозванца, «Тушинского вора»).

Смутное время оказалось роковым для Дарового. Его владелец оказался в стане противников Шуйского, почему поместье его было дотла разорено ногайцами, а затем и конфисковано («в изменном деле» и роздано по частям («жеребьям») другим помещикам (отсюда ведет начало формальное разделение Дарового на два кадастровых участка, воспроизведенное и при генеральном межевании, – деревню Даровую и сельцо Даровое). В то же время его

сосед и родственник, помещик из Моногарова, в поисках лучшей доли оказался на Москве при Шуйском, за что получил от него свое поместье в вотчину – «за московское осадное сиденье». От этих пор именно Моногарово становится центром обширных хотяинцевских владений, их родовым гнездом в Каширском уезде. Впоследствии, в 1763 году, Хотяинцевы возводят новую каменную домовую церковь на своей моногаровской усадьбе, но старая деревянная Покровская церковь при Даровом продолжает еще долго оставаться приходской (до 1821 – 22 года, когда в связи с кампанией по упразднению домовых церквей приход с Покровским престолом переносится со старого погоста в Духовскую церковь в Моногарове).

Хотяинцевы, владельцы Моногарова, со временем возвращают Даровое в родовое владение, возобновляют старую разоренную усадьбу, которая отныне становится второй, после соседнего Моногарова, в их семье и передается каждый раз второму по старшинству члену семьи во внутрисемейных разделах. В начале XIX века усадьба в Даровом принадлежала Петру Васильевичу Хотяинцеву, перестроившему ее во вкусе времени, а затем его младшему сыну Ивану Петровичу. Последний не имел потомства, и после его смерти усадьба была выставлена на продажу.

Бытующее в литературе указание на 1832 год как год приобретения Достоевскими у поручика И. П. Хотяинцева имения Даровое и начала мемориального периода неверно. В. С. Нечаева, организатор и многолетний директор московского Музея Ф. М. Достоевского, на основании изучения записей в книге исповедных росписей Духовской церкви села Моногарова установила, что по 1829 год включительно владельцем Дарового значится поручик И. П. Хотяинцев. Под 1830 годом владелицей

Дарового числится О. А. Глаголевская, а с 1831-го – «коллежский ассессор Михайло Андреев сын Достоевский». Достоевские еще со времени причисления к потомственному дворянству (летом 1828 года) собирались обзавестись поместьем, обращались к посредникам-«факторам» (понынешнему – риэлторам), как об этом вспоминал А. М. Достоевский, но с выбором не решались. Как кажется, случай помог остановиться на Даровом. В сентябре 1830 года во время распространявшейся из Астрахани холерной пандемии М. А. Достоевский участвовал (находясь в служебной командировке) в карантинных мероприятиях на подступах к Москве – на Большой Астраханской дороге, при которой и находилось имение Даровое. М. А. Достоевский, только еще готовившийся стать помещиком, смог здесь по случаю осмотреть имение, свести близкое знакомство с местными помещиками и администрацией и договориться о покупке Дарового (в форме запродажи). Покупка была признана настолько удачной, что родители Ф. М. Достоевского заказали благодарственный молебен у Иверской Божьей Матери.

Соответственно, начало мемориального периода следует отсчитывать с летнего сезона 1831 года, когда М. Ф. Достоевская с детьми поселилась в новоприобретенном сельце Даровом. Сам Федор Михайлович позднее вспоминал, что о ту пору, когда собрались впервые ехать в «деревню», ему было 9 лет (весной 1831 года ему действительно шел десятый год). С этого времени отрочество свое, до пятнадцати лет, Ф. М. Достоевский каждое лето проводил в Даровом, последний раз побывав здесь на каникулах в 1836 году.

Особняком стоит посещение Ф. М. Достоевским Дарового и Черемошни летом 1877 года. Об этом посещении имеются противоречивые свидетельства. Первый

биограф Ф. М. Достоевского, О. Ф. Миллер, в «Материалах для жизнеописания Ф. М. Достоевского», собранных вскоре после кончины писателя и опубликованных в 1883 году, отметил, что «Федор Михайлович и сам подробно вспоминал о своем детском житье-бытье в деревне и о значении ее в его жизни в «Дневнике Писателя» (за июль-август 1877 года). Во время своего тогдашнего путешествия по России он нарочно сделал «маленький крюк — из Москвы полтора верста в сторону». Деревня, принадлежавшая когда-то его родителям и давно уже перешедшая во владение одной их родственницы, «оставила в нем самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь» и все в ней «было полно для него самыми дорогими воспоминаниями». Позднее вдова писателя А. Г. Достоевская в своих воспоминаниях представила эту поездку Ф. М. Достоевского в ином свете, акцентировав свое направляющее влияние в этом деле и идиллическое единение Ф. М. Достоевского с «народом» — бывшими своими крепостными крестьянами, не выдавшими с лишком сорок лет своего барина.

Облик усадьбы Достоевских в Даровом на мемориальный период не вполне ясен по недостатку документальных данных, а в литературе о Достоевском преднамеренно затемнен из-за тенденциозной легенды, запущенной в оборот записками А. М. Достоевского (о том, что усадьба в Даровом была невероятно бедной, не стоившей ни гроша, разорительной, что она была якобы вовсе не барской, а «крестьянской», состояла из плетневой хаты-мазанки под соломенной крышей, стоявшей посреди липовой рощи, что даже поесть по-человечески было негде и столовались во все лето под открытым небом на «курганах», что экипажи стояли под открытым

небом в роще по неимению каретного сарая и т. д.).

Вместе с тем, в официальном справочнике («Экономические примечания к межеровому атласу Тульской губернии», составлены в 1833 году по сведениям 1829 года) указано, что при предыдущем владельце, И. П. Хотяинцеве, в сельце Даровом находился деревянный «дом господский» со службами, который должен был перейти при покупке к новым владельцам, Достоевским. По словам самого Ф. М. Достоевского, при усадьбе имелось собственное хозяйство — скотный двор и гумно с амбарами, ригой и т. п. Все это хозяйство сгорело в пожар 1832 года, как о том вспоминал Ф. М. Достоевский, но о гибели барского дома и надворных построек он не упоминает. Судя по описанию И. П. Перлова, посетившего Даровое в 1925 году, при усадьбе на гумне в то время еще сохранялись каменные (кирпичные) хозяйственные постройки «крепостного времени», возведенные, очевидно, матерью писателя М. Ф. Достоевской после пожара 1832 года.

С июля 1837-го, со времени своей отставки, по июнь 1839-го, до самой кончины, в Даровом почти безвыездно жил овдовевший отец Достоевского, Михаил Андреевич, с младшими детьми, тремя дочерьми и двумя сыновьями. Он перевез в Даровое всю обстановку своей московской квартиры. А это значит, что было, куда вывозить, — в господском доме должны были быть *гостиная*, *зала*, где обедали, *кабинет*, где была библиотека, жилые *покои* — комнаты отца и дочерей, а также *девичья*, для женской прислуги (она же, по видимому, служила и *детской* в 1837 – 39 годах), *буфетная*, где стояла столовая посуда, *передняя* и холодные сени с ретирадою. Этому набору помещений, стандартному для обычной дворянской семьи,

соответствовал, по всей видимости, столь же стандартный барский дом в семь или девять осей по фасаду, с мезонином, где находились жилые покои (типичный пример – дом в Абрамцево). Достоин примечания, что до 1837 года господский дом был предназначен для сезонного, летнего пребывания, но летом 1837 года он, по всей видимости, был переоборудован (перестроен) для круглогодичного житья, так как с осени 1837 года М. А. Достоевский с младшими детьми жил здесь круглый год.

На усадебном дворе находились также надворные постройки – *службы*: кухня, людская, каретный сарай, конюшня и дом управляющего (или приказчика, как он назывался у Достоевских), группировавшиеся по периметру парадного двора – *курдонера*. В числе надворных построек был *флигель*, о котором упомянуто в воспоминаниях А. М. Достоевского (в нем должны были останавливаться приезжие – отец Ф. М. Достоевского во время своих кратковременных наездов в деревню и гостившие родственники, как это было, например, в 1835 году).

Весьма примечательной особенностью усадьбы в Даровом был парк, остатки которого сохранились до нашего времени. В Записках А. М. Достоевского он назван *липовой рощей* (в «Толковом словаре» В. И. Даля «парк» – это и есть «чистая роща, с дорожками, под уходом, для гулянья»). Действительно, усадебный парк в Даровом, в отличие от большинства усадебных «парков» XVIII века (боскетных, в голландском вкусе, называвшихся *регулярными садами*), был именно *парком*, в английском стиле. Такие парки появились в России в начале XIX века (1800-е годы), и мода на них продержалась недолго (до «свидания в Эрфурте», 1806 г., а среди англоманов и позднее, до войны 1812 года), что довольно определенно указывает на время реконструкции усадьбы в Даровом. На время генерального

межевания (1770 год) усадьба имела иную топографию и планировку, наследовавшую усадьбе XVI века, парка в ней еще не было, а был «сад с плодовитыми яблоневыми, грушевыми, сливовыми деревьями», как значится в кадастровом описании («экономическом примечании») Дарового. При перестройке усадьбы в 1800-х годах одна часть бывшего сада (южная) была обращена в чистый парк для гулянья и прихотливо засажена куртинами из гладкоствольных лип, а другая часть (северная), с неровным рельефом, оставлена под плодовым садом, обособленным обваловкой с густой обсадкой крыжовником и имевшим опытно-хозяйственное назначение. Согласно представлениям того времени (в подражание англичанам) это были «мужская» и «женская» половины сада: одна предназначена для мужской рекреации (во время отдыха в деревне от *государственных дел* — для философических прогулок, погружения в размышления или *разсеяния*), другая — для упражнений в домоводстве (женских *затей* в «собственном» саду).

Отец Ф. М. Достоевского, по тому, что мы о нем знаем, был *русским dandy*, англоманом-карамзинистом в духе «дней Александровых прекрасного начала», жена его, мать Ф. М. Достоевского, также была англоманкой и карамзинисткой, заведшей в Даровом и Черемошне *английские* сельскохозяйственные культуры и изъяснявшейся в письмах к мужу стилизованным языком «Тристрама Шенди» и прочих красот Стерна или «Бедной Лизы» Карамзина. И обстановка усадьбы в Даровом, с характерными парком и садом в английском стиле начала века, несомненно, напоминала им о временах юности и как нельзя более гармонировала с душевным настроением семьи Достоевских (примечательно, что будущий писатель запомнил младшему брату играми *в парке* в героев Даниеля Дефо, а позднее

бродящим *по дорожкам парка* с книжкой Вальтера Скотта или его русского подражателя Вельтмана в руке).

Обстановка пребывания Ф. М. Достоевского в Даровом и окрестностях, его мемориальное пространство, помимо усадьбы с парком, садом и прудом включала ближайшую местность, находившуюся против усадьбы, – лесок Брыково, прозванный в семье Достоевских «Фединой рощей», и старый погост с обращенной (в 1821 году) в часовню деревянной церковью Покрова Богородицы и кладбищем при ней. Неотъемлемой частью мемориального пространства были также деревня Черемошня, место пеших прогулок семьи Достоевских и верховых прогулок подростка Ф. М. Достоевского, и роща «Чермашня» на краю поля между Даровым и Черемошной. Названия этих урочищ неоднократно всплывают в произведениях Ф. М. Достоевского.

Весной 1839 года отец Достоевского, обремененный малыми детьми, решил вновь жениться, переоформил имение умершей жены на себя и уже сделал предложение соседней помещице, А. Д. Логвиновой (у М. В. Волоцкого, опубликовавшего это известие со слов хорошо знавшей ее племянницы писателя О. А. Ивановой, указана фамилия Лагвенева, но это ошибка: не Лагвенева, а Логвиновы были старинными, с XVI века, каширскими помещиками в Ростовском стане, недалеко от Дарового). Однако в дело вмешалась скорая (и загадочная) смерть. С кончиной отца († 6 июня 1839 г.) имение Даровое и Черемошня перешло к Достоевским-детям и находилось в опеке (до конца 1852 года), при окончании опеки оно было выкуплено у наследников их опекуном, А. П. Ивановым (зятем Ф. М. Достоевского, мужем его сестры Веры, и записано им на нее).

По смерти А. П. Иванова в 1868 году усадьба и имение опять попали в опеку,

закончившуюся в 1884 году наследственным разделом в семье Ивановых, по которому Даровое и Черемошня оказались во владении четырех незамужних сестер Ивановых, племянниц Ф. М. Достоевского. По свидетельству современников, они не могли ужиться между собой в одной усадьбе и разделились, так что каждая выстроила себе отдельный дом и завела отдельное хозяйство: три сестры разделили Даровое, поделив парк и сад, а четвертая обосновалась в Черемошне. Позднее одна из сестер покинула Даровое и в ее дом переселилась ее сестра из Черемошни. Раздел имения между сестрами последовал в 1885 году, так что к лету 1886 года в старой усадьбе заканчивалась постройка новых домов ее владелиц. Их мать, сестра Ф. М. Достоевского Вера, не имела доли во владении и жила у своей старшей дочери, Марии. Последняя пережила в Даровом остальных сестер и продолжала жить здесь, уже безвыездно, и после Революции.

В связи с юбилеем Ф. М. Достоевского 1921 года (столетие со дня рождения и сорокалетие со дня смерти) к Даровому оказалось привлечено внимание широкой общественности. Именем Достоевского была названа волость с центром в Даровом и местная сельскохозяйственная артель (с 1926 года – колхоз имени Достоевского). Племяннице Ф. М. Достоевского М. А. Ивановой вернули усадебный сад, отобранный у нее по Декрету о земле в пользу местных крестьян, и назначили государственную пенсию как хранителю мемориальной усадьбы. О Даровом появился ряд публикаций в центральной печати («Известия ВЦИК», «Красная нива», «Новый мир»). Весной 1923 года при личной поддержке председателя Президиума Моссовета Л. Б. Каменева и наркома просвещения А. В. Луначарского усадьба Даровое, «площадью 10 десятин (включая сад на 4,5 десятинах)»,

была «признана неприкосновенным памятником историко-художественного значения», национализирована и принята «в непосредственное ведение Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса», а также «включена в Список охраняемых садов и парков РСФСР». Для оказания методической помощи при организации в Даровом музей-усадьбы мемориальная усадьба Ф. М. Достоевского была вскоре передана в ведение Зарайского музея, а с 16 апреля 1925 года – Зарайского отделения Главнауки Наркомпроса. Однако уже 9 июля 1926 года во исполнение решения Президиума Моссовета от 4 июня 1926 г. № 9589 музей-усадьба Ф.М. Достоевского в Даровом передана из Главнауки в ведение Московского Губмузея.

По смерти в 1929 году М. А. Ивановой музей в Даровом был упразднен, в усадьбе была открыта сельская библиотека, при которой в разные годы находилась литературно-мемориальная «комната Достоевского». Несмотря на отсутствие в усадьбе музея, Даровое оставалось посещаемым литературно-мемориальным местом, было включено во все справочники-путеводители по достопримечательным местам Подмосковья и длительное время было опекаемо ведущими сотрудниками Государственного литературного музея в

Москве (Н. П. Анциферовым, Г. В. Коган). Сохранявшаяся в Даровом память о Достоевском сохраняла за ним значение экскурсионного места, не давала поводов зарости народной тропе к усадьбе детства великого писателя, – даже в те времена, когда при очередной реорганизации дела охраны памятников, в конце 1950-х годов, Даровое «выпало» из списков памятников культуры, состоящих на государственной охране, что привело, при возобновлении здания сельской библиотеки, к утрате старого барского дома (это был, правда, уже не дом Достоевских, но М. А. Ивановой, постройки 1886-87 годов, в характере дачной архитектуры тех лет, поставленный, видимо, на месте гостевого флигеля усадьбы Достоевских).

Повторная попытка музеефикации мемориальной усадьбы состоялась в начале 1990-х годов, когда в Даровом вознамерились возобновить музей-усадьбу Ф. М. Достоевского (на правах филиала Зарайского краеведческого музея) и поставили в повестку дня вопрос о воссоздании усадьбы на мемориальный период. Жизнь, однако, существенно скорректировала эти планы. В настоящее время мемориальная усадьба Ф. М. Достоевского «Даровое» является объектом культурного наследия федерального значения. Но это уже другая история.